

Светлана ГОРЕВА

Родилась в городе Горьком. Окончила филологический факультет ННГУ им. Н. И. Лобачевского и юридический факультет Нижегородской академии МВД.

Автор нескольких книг. Пишет для детского православного журнала «Саша и Даша». Победитель литературного конкурса издательства «Настя и Никита» в номинации «Записки натуралиста» (2016) с произведением «Заповедные места», в 2017-м – в номинации «В театре» с произведением «Идем в музыкальный театр», которое потом вышло отдельной книжкой. Финалист конкурса произведений для детей «Берег детства» (2020).

Живет в Нижнем Новгороде.

НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ

Нет, это просто невыносимо! Этот сумасшедший дед орёт и орёт каждый день. Как выйдет на балкон, так и начинается: то воет, как сирена, то трещит, будто из пулемёта стреляет, а потом начнёт плакать. И плачет так натурально, навзрыд, как маленький. Вот мне уже почти тринадцать. Я даже не помню, когда последний раз плакал.

Неужели с ним ничего нельзя сделать? Отправить в дом престарелых или в... другой какой дом? Нет, никуда она его не отправит. Его старуха. Не жена. Вроде бы сестра его старшая. У них что, детей нет? Наверное, нет, раз соцработник к ним ходит. Ведь предупреждали родителей, что не нужно переезжать в этот район. Но мама заладила: тебе нужен этот лицей, это твой шанс поступить в престижный вуз.

Самое интересное, что дед, как проорётся, садится в комнате к окну чай пить. Как ни в чём не бывало. А окно низко. Первый этаж. Но привычных решёток нет. Когда раздвинуты шторы, можно даже разглядеть, что стоит на столе, придвинутом к окну. Чайник заварочный. С крупными красными розами на пузатых боках. И чашка не в тему. Голубая. В белый горошек. Видеть уже не могу эту чашку. Дед макает кусок сахара в кипяток и засовывает в беззубый рот. Шамкает старческими сморщенными губами. А иногда и старуха сидит с ним рядом и смотрит на него. Странно смотрит. Так только на маленьких детей смотрят. Ласково. Жалостливо.

* * *

С каждым годом с ним всё хуже и хуже. Он всё чаще возвращается в детство. Ему снятся кошмары. Обычно ночью. Но, бывает, и днём. И я не знаю, как его успокоить. Когда он был маленьким, я гладила его

по вихрастым пшеничным волосам, и он успокаивался. Сейчас это редко помогает. Волосы из пшеничных давно стали серыми. Возьмёт меня за руку, скажет: «Сестра, а сестра?» И я всё понимаю. Садимся с ним пить чай. Понятное дело, соседям надоели. А куда нам деваться? Так и будем тут свой век доживать. Брат гладит указательным пальцем края голубой чашки. Я качаю головой, говорю: «Не надо, Вася. Я всё знаю». А он всё равно рассказывает. По сотому кругу одну и ту же историю.

* * *

Уже три года я работаю с этой семьёй. Такая служба. Социальная. Другие крутят у виска: Тамара, заняться тебе нечем, смени работу. А это не работа, это жизнь. У всех она разная. У Василия Николаевича и Натальи Николаевны такая. Как подумаю про них, сердце кровью обливается. Слышала я, что соседи про них говорят. Не будешь же каждому встречному объяснять. Два раза в неделю я у них. Прибираюсь, готовлю, мою посуду. Только свою голубую чашку дед Василий мне не доверяет. Сам моет. Оно и понятно.

* * *

То раннее утро выдалось на удивление тёплым. Август уже перевалил за половину, но даже по ночам ещё тепло. С семи лет я гонял коров на выпас. Далеко. Но мне не привыкать. Сейчас мне девять. Но теперь и подавно матери помогать надо. Отец на войне, сестра убежала тайком ото всех к партизанам. В лес. Мать сначала ругала её, а потом сама начала помогать. Фронт стоял от нас совсем недалеко. Но немцы в наше село не заходили.

Как обычно, я угнал коров на дальнее поле. И оттуда после обеда увидел зарево со стороны села. Ярко горело. Словно кто-то зажжёт огромный факел. Никогда в жизни я не бегал так, как бежал тогда.

Села не было. Всё, что от него осталось, – это печные трубы. Они вытянули длинные шеи, точно журавли, высоко в небо. Непрогоревшие головешки валялись тут и там. От запаха гари щипало глаза и кололо в носу. Наш дом стоял рядом с сельским клубом. Я надеялся, что мать вместе с другими жителями успела уйти в лес, к партизанам. Я бежал, падал в дорожную пыль, поднимался и снова бежал, вытирая рукавом рубахи влажное грязное лицо. Сначала я увидел на земле мамин платок. На светло-зелёном фоне ярко проступали багровые пятна. А потом увидел сжатые руки. Они держали в руках мою чашку. Голубую. С белым горохом. Отец подарил мне её, когда уходил на фронт. На долгую память. Лица у мамы не было. Ничего больше не было.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

1

Вчера у соседки появилась шуба. Песцовая. Ничего не скажешь, роскошная. Мягкая, небось. И тёплая. Не подумайте, что я завидую. Хотя кому я вру: завидую, конечно. Мой-то такую мне никогда не купит. Всё копит и копит на что-то. А соседка теперь нос задрала. Сегодня даже не поздоровалась. Хотя уж как я её сверлила глазами. Шуруповёрт мне теперь не конкурент. А она только плотнее запахла новую одежду и нырнула в глубину своей старенькой квартиры.

2

Сегодня утром соседка чуть не съела меня глазами. Неужели она начинает догадываться про меня и её мужа? Если она узнает, что это он мне шубу подарил, то снова придётся переезжать, как в прошлом году. Всё ходит, вынюхивает чего-то. Как ищейка. Ну да ладно. Скоро весна. Шуба не так будет мозолить ей глаза. Хотя у меня и пальтишко весеннее пообносилось...

3

Марина второй день сама не своя. Далась ей соседкина шуба. И Катька тоже хороша. Выпросила песца, так будь скромнее. А то оба окажемся в травмпункте. Рука у Марины тяжёлая. Сковородка тоже. Может, и не стоила овчинка выделки?

4

Ещё вчера я спокойно висела в магазине. По мне нежно проводили руками, гладили, щекотали под мышками. А сегодня я стала предметом раздора. Целый день мне перемывают каждую ниточку, каждую пуговицу. Так и сглазить можно добротную шубу. Вот уже и мех начал линять. Нет, нельзя доверять людям. Испортят всё, за что ни возьмутся.

5

Наконец в шкафу появилась нормальная вещь, а не голая синтетика с отвратительным запахом. Белый цвет мне к лицу. Очень молодит. Новая шуба пахнет свежей морошкой и травами с терпкими нотками костра. Всё как я люблю. Лишь бы не закончить своё существование, как моя бабушка, которую хозяйка шлёпнула прошлогодней газетой. А старушка только и сделала, что села на старенькую юбку. Подумаешь!

6

Живёшь себе на свете, ловишь проворных леммингов, иногда перебиваешься с травы на траву. И даже не подозреваешь, что однажды можешь поселиться в квартире в центре большого города с видом на реку. Все будут хвалить твою густую шерсть, запускать туда ладони, вызывая смутные воспоминания о прошлой жизни.